

Л. В. КРЕСТОВА

ПОВЕСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА «СИЕРРА-МОРЕНА»

Карамзин напечатал повесть «Сиерра-Морена» во втором томе альманаха «Аглая» за 1795 г. (стр. 7—18). Первоначально повесть имела подзаголовок (опущенный позднее): «Элегический отрывок из бумаг N».

Исследователи высказывали следующие мнения о «Сиерре-Морене».

Г. А. Гуковский считал, что новелла построена на мотивах «условного и эстетизированного испанского местного колорита. Здесь подобраны один к одному мотивы яркого юга, пламенных и неукротимых страстей, эффектных пейзажей оперной псевдо-Испании. Повесть трагична, но ее задача — прельстить захватывающим фейерверком безумной страсти». По мнению Г. А. Гуковского, это своеобразная «романтическая лирика в прозе».¹

Д. Д. Благой указывает, что «Сиерра-Морена» представляет южную Испанию, «страну пылких чувств и жестоких страстей».²

А. В. Западов думает, что в «Сиерре-Морене» Карамзин разработал подлинно-романтический сюжет: ему «удалось показать направление, идя по которому следующее поколение писателей создаст замечательные образцы романтической прозы».³

П. Бранг считает эту повесть «романтической по жизнеощущению», но видит ее основу в сентиментальной переработке сюжета новеллы об эфесской вдове, встречающегося у Петрония и позднее у Лафонтена.⁴

---

¹ Г. А. Гуковский. 1) Русская литература XVIII в. Учпедгиз, М. 1939, стр. 509. 2) Карамзин. — В кн.: История русской литературы в 10 томах, т. V, М.—Л., 1941, стр. 81.

² Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Учпедгиз М., 1946, стр. 400; ср.: 3-е изд., Учпедгиз, М., 1955, стр. 535.

³ А. В. Западов. Н. М. Карамзин. — В кн.: Русская проза XVIII века т. II. Гослитиздат, М.—Л., 1950, стр. 228.

⁴ Peter Brang. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. — Bibliotheca Slavica, Wiesbaden, 1960, стр. 164.

П. Н. Берков отмечает, что в «Аглае» опубликованы повести периода идейного кризиса Карамзина, и думает, что «Сиерра-Морена» «напоминает по стилю экзотические повести немецких писателей „Бури и натиска“». Вместе с этим исследователь указывает на необычность повести, начиная с заглавия, неожиданность развития фабулы, «бурнопламенность» страстей, стремление автора изобразить смену душевных состояний героя и раскрыть психологию человека, пережившего тяжелую личную драму.⁵

Впрочем, П. Н. Берков не уточняет, в чем именно состоял идейный кризис Карамзина в середине 1790-х годов и как он отразился в этой повести.

Повесть Карамзина «Сиерра-Морена» имеет две темы: первая из них — трагическая любовь русского путешественника г-на Н к «нежной Эльвире». До встречи с ним Эльвира любила юного Алонзо, мнимую гибель которого она горько оплакивала. Эльвира дала жениху «обет священный и торжественный» не любить никого другого. Она нарушила эту клятву, готовилась стать женой русского путешественника. Но в момент венчания появляется незнакомец в черной одежде. Это Алонзо. Он напоминает Эльвире клятву и закалывается на ее глазах. Эльвира уходит в монастырь, навек расставшись с г-ном Н. Вторая тема повести — странствия г-на Н и горестные его размышления о жизни и смерти народов. Каждая из этих тем имеет свои особые истоки, к изучению которых переходим.

Вторая книжка «Аглаи», в которой напечатана «Сиерра-Морена», вышла в свет в 1795 г. Посвящение же помечено 4 октября 1794 г. (дата цензурного разрешения отсутствует). Возможно, что часть произведений второй книжки «Аглаи», в их числе и «Сиерра-Морена», были созданы писателем в 1795 г.

Размышляя над темой трагической любви, Карамзин мог заинтересоваться старинной испанской балладой «О храбром Алонзо и прекрасной Имоджине», вставленной М. Г. Люисом в роман «Монах» (1795). Исследователи установили, что в этой балладе видны следы старинных английских, шотландских баллад, «Леноры» Бюргера, «Духовидца» Шиллера.⁶

---

⁵ П. Н. Берков. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина. — В кн.: Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, изд. «Худ. литература», М.—Л., 1964, стр. 39 и 40.

⁶ G. Herzfeld. Eine neue Quelle für Lewis «Monk». — Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, Bd. CIV, 1900, стр. 310—312; Bd. CXI, 1903, стр. 316—323; 1905, Bd. XCV, № 5, стр. 70—73; Otto Ritter. Studien zu M. G. Lewis' Roman «Ambrosio or the Monk». — Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, Bd. CXI, 1903, стр. 106—121; Alice M. Killen. Le roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'en 1840. Paris, 1924, стр. 39—50; K. Guttke. Englische Vorromantik und deutscher Sturm und Drang. Göttingen, 1958, стр. 22—23, 174—175.

Баллада Льюиса состоит из 17 стихотворных строф и помещена в IX главе «Монаха» на стр. 134—135 издания 1795 г. Эту балладу в романе Льюиса читает ночью Антония в комнате своей недавно умершей матери, Эльвиры. Ветер свистит, двери хлопают, дождь с силой ударяет в окна. Пламя свечи колышется, сердце Антонии бьется от страха. Содержание баллады следующее: храбрый рыцарь Алонзо, участник крестового похода, уезжает сражаться в Палестину. Влюбленная красавица Имоджина торжественно клянется Алонзо, что (if you be living, or if you dead || I swear by the Virgin that none in your stead || Shall husband of Imogine be) никто не станет ее супругом, даже если возлюбленный погибнет. Проходит 12 месяцев, Алонзо все нет, богатый барон начинает ухаживать за Имоджиной, и она выходит за него замуж, презрев клятву. На свадебный пир приходит незнакомый рыцарь со спущенным на лицо забралом и садится рядом с Имоджиной. Рыцарь молчит, и его присутствие внушает всем ужас. Имоджина предлагает гостю принять участие в пиршестве, рыцарь открывает забрало, она видит голову скелета. Рыцарь-призрак укоряет клятвopреступницу, схватывает Имоджину и вместе с ней исчезает. Барон вскоре умирает. Каждый год в этом замке появляются призраки, среди них преступница Имоджина в белом уборе невесты и рыцарь-скелет. Призраки кружатся и воют, провозглашая тост в честь храброго Алонзо и его неверной Имоджины.

Что же перенес Карамзин в свою повесть «Сиерра-Морена» из баллады Льюиса? И там и здесь действие происходит в Испании, сохранено имя героя Алонзо; героиня Карамзина названа Эльвирой — так звали мать Антонии. Воспользовался Карамзин и мотивом клятвopреступления невесты: «Эльвира клялась не любить никого, кроме своего Алонза, клялась не любить в другой раз». Но она нарушает эту «ужасную клятву». Подобно героине Льюиса, Эльвира призывает на себя небесное возмездие в случае нарушения клятвы: в балладе Имоджина призывает призрак Алонзо появиться за ее душой в день свадьбы, если она нарушит верность. Полюбив незнакомца, героиня Карамзина восклицает: «... ты принуждаешь меня нарушить обет священный и торжественный!.. Пусть же громы небесные поразят клятвopреступницу!.. Я люблю тебя!..». Но этими чертами и ограничивается сходство обоих произведений.

В остальном Карамзин самостоятельно разрабатывает фабулу, намеченную в балладе Льюиса. Действие происходит не в средние века, а перенесено в современность. Эльвира — романтическая героиня конца XVIII в.: она «любила ужасы Натуры; они возвеличивали, восхищали, питали ее душу». Карамзин внимательно следит за ее переживаниями: переходом от «тихой скорби» и «томности» к утешениям в «миллом дружестве» и новой страстной любви. Ее избранник также не похож на барона, прельстившего

неверную Имоджину. Не золото и драгоценности привлекли сердце Эльвиры, а пылкая страсть: «Ах, можно сражаться с сердцем долго и упорно, но кто победит его? — бурное стремление яростных вод разрывает все оплоты, и каменные горы распадаются от силы огненного вещества, в их недрах заключенного».

По-иному разработана Карамзиным развязка. Страшный и фантастический рыцарь-привидение, являющийся на брачный пир, заменен у Карамзина романическим «незнакомцем в черной одежде, с бледным лицом, с мрачным видом». Он появился во время венчания, напомнил вероломной Эльвире об ее клятве, пронзил кинжалом себе грудь и «пал мертвый на помост храма». Это Алонзо, который спасся во время кораблекрушения, был взят в плен алжирцами, получил через год свободу и, узнав на родине, что Эльвира выходит замуж, «решился наказать ее... своею смертью». В этой развязке ясно выражено мировоззрение Карамзина. Он не верит в потусторонний мир, призраки и объясняет неожиданное появление Алонзо, как мы видели, конкретными жизненными обстоятельствами. То же скептическое отношение к фантастике высказал Карамзин в примечании к переведенной им новелле Флориана «Валерия»: ⁷ в маленьком городке Лангедока на юге Франции, в старом замке, на святках собиралось веселое общество молодежи: «Целый день мы шутили и смеялись, а вечером, сидя вокруг камня, рассказывали друг другу сказки, пели баллады, романсы ... Красавицы ... любили повести о мертвецах и привидениях», например «историю тулузского советника, которому в одну ночь явился мертвец, полгода лежавший в могиле, — явился и наименовал своих убийц». За весьма достоверную выдавалась история «лионского супруга, который в исступлении ревности убил жену свою и потом всякую ночь в одиннадцать часов видел ее, приходящую к его постели в зеленых туфлях». В сноске к этому отрывку Карамзин подчеркивает: «Нет нужды сказывать читателям, что Флориан шутит».⁸ Отвергая как рационалист призраки и потусторонние видения в беллетристике, Карамзин придерживался и в жизни этих воззрений. Так, он писал А. И. Тургеневу 13 апреля 1816 г.: «Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком, хочу любить как можно более; не мечтаю даже и о возрождении нравственном в теле».⁹

Желая быть «самым простым человеком», Карамзин видел страшное не в фантастике и появлении призраков и мертвецов, а в жизни и в человеческой душе, как это позднее не раз показывали русские писатели-реалисты.

---

⁷ «Московский журнал», 1792, ч. VII, стр. 282—286.

⁸ Там же.

⁹ «Москвитянин», 1855, № 1, кн. 1, стр. 103.

Вторая тема «Сиерры-Морены» автобиографична и во многом связана с окружающей Карамзина действительностью. Карамзин писал в повести от лица рассказчика г-на N: «Я возвратился в Европу и был некоторое время игралищем злобы людей, некогда мною любимых». В этих словах слышится намек на реальные события в жизни писателя. По возвращении на родину (15 июня 1790 г.) он был встречен недружелюбно в масонском кругу. Особенно усилилось это недружелюбие после опубликования Карамзиным программы «Московского журнала».

«Сейчас получил я письмо от Плещеева с приложением „объявления“ Карамзина, из которого усматриваю, что он не в той уже с нами связи, в которой был прежде. Скажи, что сие значит и что тому причиною?» — писал А. М. Кутузов П. В. Лопухину 3/14 декабря 1790 г.¹⁰ В последующем же письме к Н. Н. Трубецкому от 31 декабря 1790 г./11 января 1791 г. А. М. Кутузов высмеивает желание Карамзина стать писателем и, пародируя стиль Карамзина, издевательски подписывается: «Попугай Обезьянин».¹¹ В письмах к друзьям А. М. Кутузов высказывает предположение, будто и «в нем (Карамзине, — Л. К.) произошла французская революция» (письмо от 4/15 марта 1791 г. к А. И. Плещеевой).¹²

А. И. Плещеева, некогда близкая Карамзину, переживает в нем разочарование и, подобно А. М. Кутузову, боится, не оказали ли воздействие на Карамзина революционные события, в частности ее пугает сомнение Карамзина в бессмертии души. На эти мысли ее наводит фраза в письме Карамзина: «Я вас вечно буду любить, ежели душа моя бессмертна». — «Вообразите ж, каково, ежели он в том сомневается!» — с негодованием пишет А. И. Плещеева А. М. Кутузову 7/18 июля 1790 г.¹³ Остальные письма А. И. Плещеевой к А. М. Кутузову наполнены жалобами на изменение в характере Карамзина: «Вижу не того, который поехал от меня ... теперь он совсем не тот ... он совсем другой ... Всякой день мы с ним в ссоре, и он столько всегда мне грубости наговорит, что снести невозможно» (10/21 ноября 1790).¹⁴ В письме к А. М. Кутузову от 10/21 апреля 1791 г. А. И. Плещеева тревожится о болезни Карамзина и намекает: «Эти люди его ненавидят, о которых вы знаете ... Они многие изверги, трусы, подлецы и малодушные как малые ребята».¹⁵

Приведенные материалы не оставляют сомнений, что фраза, включенная в повесть «Сиерра-Морена» — «... был некоторое

¹⁰ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 49.

¹¹ Там же, стр. 73.

¹² Там же, стр. 99.

¹³ Там же, стр. 1.

¹⁴ Там же, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 109.

время игралищем злобы людей, некогда мною любимых», автобиографична и раскрывает переживания писателя после возвращения его в Россию из путешествия.

Наряду с личными переживаниями во второй части повести «Сиерра-Морена» отразился также идейный кризис, пережитый Карамзиным подобно многим русским дворянам, в связи с событиями Французской революции. Еще в августе 1793 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою. Бегу в густую мрачность лесов, но мысль о разрушенных городах и погибели людей везде теснит мое сердце».¹⁶

По-видимому, эти впечатления 1793—1794 гг. и отразились в тираде о «безумии» людей в «Сиерре-Морене»: «Безумные существа, человеками именуемые! я вас оставил! Свиристуйте в лютых своих иступлениях, терзайте, умерщвляйте друг друга!». Этот подтекст размышлений о событиях Французской революции связывает «Сиерру-Морену» не только с перепиской Мелодора и Филалета в той же второй книжке «Аглаи», но также с позднейшими статьями Карамзина («Lettre au Spectateur sur la littérature russe», 1797, и статьи в журнале «Вестник Европы»).

Подведем итоги. Повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» — творческая переработка испанской баллады и яркий образец лирической прозы русского романического направления конца XVIII в. Экзотический сюжет о трагической любви Эльвиры и Алонзо сплетен с судьбой романического бесприютного скитальца, от имени которого ведется рассказ. Следует подчеркнуть, что в отличие от романтиков (Бюргера, Жуковского и др.) Карамзин отвергает фантастику и вмешательство сверхъестественных сил в развязку. Элегическим колоритом овеяна концовка: рассказчик, разочарованный во всем, ищет приюта в «вечном покое», в «тихом безмолвии». Историко-философский подтекст второй половины повести и ее лиризм предвещают некоторые лучшие страницы русской повествовательной прозы середины XIX в.

---

¹⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 42.